

Владимир Колеко:

«Мы были «детьми-спецназовцами»...

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Владимир Львович Колеко – директор СДЮШОР-9 – явление совершенно незаурядное как в смысле того, что ему удалось сделать за свои семьдесят два года, так и в смысле специфического жизненного опыта. Дело в том, что большая часть людей, знакомых с Владимиром Львовичем, считает его великим тренером (и это, безусловно, правда). Но это, по мнению героя нашего повествования, не самое главное в его истории. Главное – в том, что за многие годы он выработал умение не просто преодолевать любые препятствия, но и, отталкиваясь от них, забираться все выше и выше. Умение делать добро из зла Владимир Львович начал оттачивать в раннем детстве.

ВОЛОДЯ И ГЕРИНГ

В нежную детскую пору Володя Колеко (на верхнем снимке справа) хлебнул горя такой ложечкой, что армейский полковник на ее фоне смотрелся бы рюмкой. Родился Володя в самом сердце столицы: на улице Трубной, в семье родителей весьма серьезных профессий. Отец его – Лев Михайлович – заведовал кинофикацией всей столицы. Мама – Фаина Ефимовна – работала на оборонном заводе, и о ее роде занятий знать не полагалось даже самым близким родственникам. Впоследствии именно эти обстоятельства разлучили пятилетнего пацана с родителями на долгие шесть лет.

Война началась для Володи, когда он отдыхал на подмосковной даче. Родители даже не сумели увидеть своего единственного сына – отец отправился рядовым на фронт, мать – в Свердловск, в эвакуацию с оборонным заводом. Тогда к персоналу «оборонки» отношение было даже жестче, чем к военнослужащим, – на сантименты вроде единственного ребенка, который неизвестно где находится (да и жив ли еще?), власть не разменивалась. Так, Володя на год с лишком фактически стал сиротой. И все это время ходил, что называется, под Богом.

Эшелон, которым их вывозили в эвакуацию, разбомбили немецкие «асы» – спаслась от силы половина малышей. В Куйбышеве их почти на год оставили в приюте. Что такое приют для фактических сирот во время войны? Спали на ступеньках, ели через день, умирали, кому суждено было. И только, когда даже на ступеньках перестало хватать места живым (война шла, и сироты прибывали постоянно), руководство приюта озботилось тем, чтобы опросить детей о возможности расселения их по родственникам. И тут Володя даром, что был мал, вспомнил, как незадолго перед войной они всей семьей гостили у бабушки Раисы Михайловны в Ярославле.

Начался второй этап путешествия – телегами в Нижний Новгород (тогда, впрочем, Горький), оттуда – на баржах в Ярославль. Чем шефу люфтваффе Герингу Володя так насолил, сегодня спросить не у кого. Однако их баржу бомбили дважды, да и потом в Ярославле (бабушка жила на Красном съезде) бомбежки были столь же привычны, как сегодня – телесериалы. Для немецких летчиков железнодорожный мост через Волгу был стратегически важным объектом, но и они чаще промахивались.

Шансов попасть под шальную бомбу у жителей Красного съезда было предостаточно. Слава богу, и здесь Геринг остался ни с чем.

Однако не бомбежки запомнились Владимиру Львовичу больше всего, а постоянное и непрерывное чувство голода. На карточки иждивенцев и пенсию бабушки прожить было очень тяжело.

– Были мы сорванцами, и в этом своем статусе не особенно считались с законом. Помню, зимой старушки из Твериц везли через Волгу по льду творог и молоко – продавать на рынке. Некоторые, благодаря нам, не довозили. Все «трофеи» съедались и выпивались тут же, в сараях на берегу реки с чувством раскаяния, – вспоминает Владимир Львович.

СПОРТСМЕН – ВЫШЕ БАНДИТА

Война тем временем закончилась, Геринга удавили по приговору Нюрнбергского суда. Но жизнь семьи Колеко от этого ощутимо не улучшилась. Отец вернулся с войны, имея по маленькой звездочке на погонах, с грудой медалей и без глаза. Самое обидное, что за четыре года серьезных ранений Лев Михайлович не получил, а глаз потерял уже под Берлином. В дальнейшем это ранение привело к полной потере зрения. Фаина Ефимовна устроилась на «табачку» на-

годы все без исключения дети были физкультурниками по образу жизни, – утверждает Владимир Львович. – Только что закончилась война, и настоящим человеком в детской среде считался тот, кто большую часть спецназовских приемов осваивал самостоятельно. Считалось в порядке вещей умение выпрыгивать в сугроб со второго этажа, перескакивать с крыши на крышу домов любой высоты, а плавать нас учили старшие товарищи, сбрасывая на середине Волги из лодки. Утонуть они не давали, если человек шел ко дну просто колуном. Если же барахтался хоть чуть-чуть, у него были все шансы самостоятельно добраться до берега и получить свою порцию уважения. А настоящим человеком считался только тот, кто переплывал Волгу туда и обратно.

И тем не менее, Борис Александрович стал для Ярослава Тренером с большой буквы. Он, к примеру, положил начало династии Атаманычевых: Валентин собрал практически все титулы в хоккее с мячом, а его братья – Герман и Владимир – стали первыми в истории нашего го-

ности к высшему свету.

Вернемся, однако, к Владимиру Львовичу. Его коньком в эти послевоенные годы стал волейбол – школьником ему довелось сыграть даже за сборную местного УВД. И в дальнейшем довольно долго Колеко позиционировался именно как волейболист и, невзирая на юный возраст, волейбольный тренер. В начале шестидесятых женский «Спартак» под его руководством

сто институту имени Лесгафта (фактически – спортивного МГУ всего Советского Союза) было готово видеть Владимира у себя в любой момент, начиная со вчерашнего дня.

Однако тут запротестовала мама: мало того, что ее сыну пришлось бы жить на стипендию, так еще студентам первых двух курсов институт не предоставлял общежитие. А снимать частное жилье на зарплату рабочей табачной фабрики и пенсию отца-инвалида... Семейный бюджет в этой ситуации не кроился никак. Поэтому Владимир все-таки стал военным, но не медиком, а артиллеристом. И быть бы ему, возможно, «богом войны», командиром батареи 122-х миллиметровых гаубиц, когда б не хрущевское сокращение «миллион двести» в начале шестидесятых.

Пришлось выбирать мирные профессии. Часто они были связаны со спортом. Ценности полученного военного образования для нашего героя была еще и в том, что именно в училище он впервые познакомился с гандболом. И даже сыграл за сборную команду СКА ЛенВО в гандбол по схеме одиннадцать на одиннадцать (была такая разновидность этой игры), в которую играли на футбольном поле. Так начался путь Владимира Львовича в гандболе. И долго еще потом он оставался единственным гандбольным специалистом в Ярославле.

У НАС – СВОИ ГАРРИНЧИ

Владимир Львович очень любит вспоминать человека по фамилии Фиола. Никому, кроме профессиональных футболистов, эта фамилия ничего не скажет. А вот кудесники кожного мяча точно знают – именно он нашел и вырастил кумиров нескольких поколений – Пеле и Гарринчу. При том Фиола был тренером исключительно от Бога – поскольку профессионального образования в этой области не получал.

В этом же ряду находится, например, математик Николай Карполь – основатель непобедимой волейбольной «Уралочки». При этом Владимир Львович от прямых аналогий уходит, поскольку считает себя не столько тренером, сколько, в первую очередь, организатором. За свою немалую жизнь ему пришлось поднять с нуля столько команд, что сам по себе тренировочный процесс и управление играми стали для него только одной гранью деятельности тренера.

– Когда я сегодня слышу, что некий тренер получает полмиллиона не в рублях только за то, что может объяснить игрокам, куда бежать и когда бросать мяч, а все остальное ему обеспечивают сотрудники клуба – я смеюсь, – поясняет Владимир Львович. – В семьдесят пятом году мы за двадцать дней собрали 550 учеников для гандбольной ДЮСШ, нашли по всему Брагину восемь школьных залов и приняли на работу двадцать тренеров. Все это – за вполне госбюджетную зарплату (другой тогда не было) и только ради того, чтобы наконец-то спокойно заниматься тем, к чему у нас больше всего лежала душа. Просто, наверное, в нас с детства был заложен такой подход: в том, чтобы сделать что-то невозможное – и есть главное предназначение человека. Дай бог, чтобы тем, кто нас сменил, такой подход не казался чем-то странным. И не дай бог, чтобы они пришли к нему той же дорогой, какой шли мы.

Подготовил
Анатолий КОНОНЕЦ

бивщицей, то есть новую жизнь пришлось начинать вчетвером в одной бабушкиной комнате, откуда семья переехала в более приемлемые условия только в 1961 году.

Зато у самого Владимира произошло событие, которое на многие годы определило его дальнейшую судьбу. Из третьей школы он перевелся в тридцать третью. А она курировалась тогда местным управлением МВД. Преподавателем физкультуры работал в ней Борис Александрович Андреев.

– Вообще в послевоенные

рода мастерами спорта СССР по футболу. Гимнасты, лыжники, легкоатлеты – если всех перечислять, даже в «Северном крае» не хватит места. Важно другое: на двух наших «Бродвях» – Советской улице и Первомайском бульваре – не было более уважаемых людей, чем известные спортсмены. Любый хулиган считал за честь, если игрок сборной города просто кивнул ему в ответ на приветствие. А уж иметь такого человека в кругу знакомых или в числе родственников вообще расценивалось как принадлеж-

вич так и не сумел получить спортивного образования.

Дело в том, что его мама очень хотела, чтобы сын стал военным врачом. Надо сказать, что в то время отношение к офицерам в обществе было фантастическим (как-никак: «Армия-победительница, сломавшая хребет фашистскому зверю»), а военномедов народ просто боготворил. Соответствующим был и конкурс в Ленинградскую военную медакадемию: 62 (!) человека на место. Поступить туда с тройкой по химии – можно было даже не мечтать. Зато руковод-